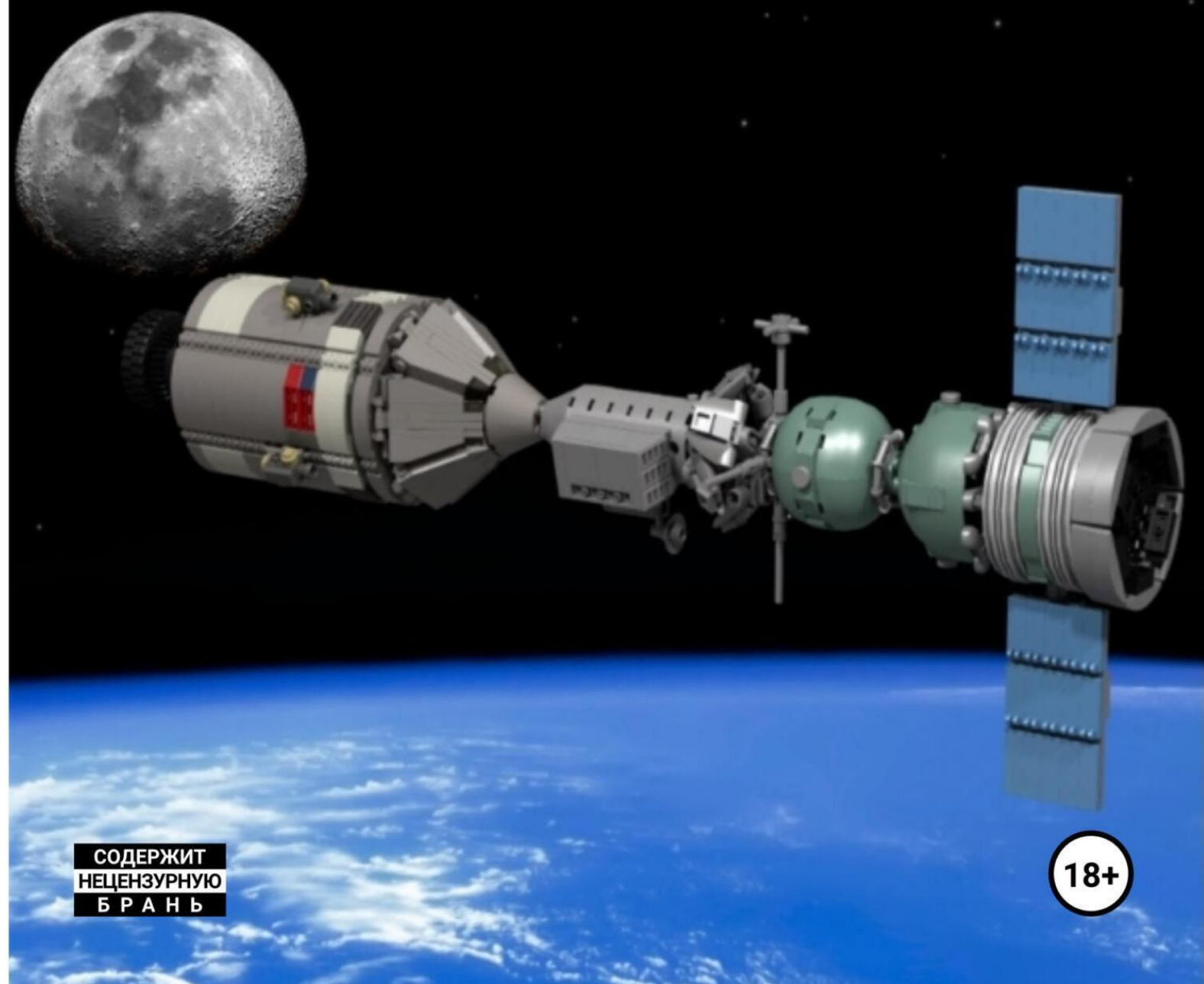

Сергей Тамбовский

А и Б сидели на трубе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Тамбовский
А и Б сидели на трубе

«Автор»

2024

Тамбовский С.

А и Б сидели на трубе / С. Тамбовский — «Автор», 2024

Жаркий июль 1975 года, ЛТО после восьмого класса, прополка, сенокосы, высадка саженцев и всё такое. Туда занесло нашего героя из 21 века - как он там выживет и что будет делать, покажет, как сейчас говорят, время. А приметы тогдашнего времени были такие - совместный полёт Союз-Аполлон, совещание по безопасности в Хельсинки, пепси-кола новороссийского розлива, хоккейные суперсерии наших клубов за океаном и сериалы про Майти-Мауса, обезьяну Джуди и собачку Лесси по телевизору.

Сергей Тамбовский

А и Б сидели на трубе

Тёмная июльская ночь плещется за бортом нашего непотопляемого дебаркадера, а непотопляемый он, потому что давным-давно прочно стоит на суше. Волны одуряющих запахов разбиваются о его борта, уносясь далее к берегам Волги и в Заволжье. Спит весь состав нашего ЛТО (лагеря труда и отдыха) имени героя Союза Талалушкина (он кстати совсем недалеко отсюда появился на свет) в количестве двухсот душ с небольшим.

Спит и моя палата номер шесть на скрипучих железных койках. От окна на палубу, если по часовой стрелке, то вот они все, красавчики – Игорёк Ахундов, если не главная, то одна из основных лагерных мразей, Васёк Нифонтов, его прихлебатель, Ваня Кутиков и Серёжа Соболев, болото, точнее тростник, колеблемый ветром во все стороны, Коля Гарин, мой кореш и единственная опора, хлипкая, правда, но какая уж есть. Ну и возле двери ваш покорный слуга, Витя Малов... да, почти что Витя Малеев, который обитал по большей части в школе и дома. Я же не Витя Малеев, поэтому благополучно обретаюсь в этой дыре на краю нашей области в своём же теле, но 45-летней, так сказать, давности – вот вчера ещё засыпал в своей квартире на двадцать втором этаже только что сданного жилого комплекса Тауэр-Плаза, а проснулся здесь вот, в Урицком районе в отдыхательно-трудовом лагере. Как и зачем, лучше не спрашивайте – всё равно не знаю. А если б и знал, то не сказал бы. А если б сказал, то наврал бы с три короба.

На дворе у нас стоит 10 июля 1975 года, через пять дней должен состояться совместный полёт советских и американских космонавтов, более известный под именем «Союз-Аполлон». В конце же июля месяца товарищ Брежнев подпишет заключительный акт совещания в Хельсинки, третьей корзиной, как известно, там будет гуманитарная часть, посвященная правам человека, и это будет миной замедленного действия, заложенной под Союз.

А в декабре состоится знаменитая суперсерия двух наших хоккейных клубов за океаном, ЦСКА и Крылья Советов (американцы будут писать на своих табло Red Army и Russian Wings). В Новороссийске круглосуточно выпускают питательный напиток Пепси-кола в непривычных бутылочках 0,33 литра. А по телевизору идут заграничные сериалы про мышонка Майти-Мауса (просьба не путать с другим маусом, это физически накачанный мышонок, а не дистрофичный Микки), обезьянку Джуди и собачку Лесси.

Пик политики разрядки международной напряжённости, короче говоря. Ещё по мелочам вот что вспоминается – вот-вот кубинцы окажут братскую помощь недавно получившей независимость Анголе и там стартует гражданская войнушка, а ещё президента республики Бангладеш Маджибура Рахмана показательно шлёпнут у стенки восставшие военные. Красные кхмеры только что захватили власть в Народной Кампучии и скоро начнут скармливать крокодилам своих политических оппонентов. Билл Гейтс с Полом Алленом вот-вот создадут Микрософт. Но знание этих ключевых точек ближайшего будущего мне сейчас совсем ни к чему, потому что приходится в основном решать насущные тактические задачи. Дело в том, что в лагере этом я числюсь среди самых последних и отъявленных задротов, которые за себя постоять не могут.

Такая уж у меня планида, которая есть, как хорошо известно, у каждого Демида, так же, как и у любого Икрама есть своя программа. Вот только за вчерашний день в обед мне вылили компот на голову, это раз, отобрали булку с маком во время перекуса на поле, это два, и до кучи дали подножку, когда мы садились в кузов полуторки, так что я улетел в соседнее болото... не долетел правда, но все равно обидно. Зовут меня Мальчиком, естественно, что ещё обидного пятнадцатилетние недоросли от моей фамилии могут произвести? Да ничего...

Нельзя сказать, что я прямо вот всё-всё помню про себя и про события в мире в этом 75 году, но на память не жалею – а если что-то и подзабылось, то не страшно, по ходу дела про-

яснится. По крайней мере, как зовут моих сокамерников по палате номер шесть, я помню прекрасно. И кто что из себя представляет, тоже. Ба, да у нас тут подъём объявляют – от столовки раздался звон от ударов железной трубы о подвешенный к столбу рельс. Значит, надо подниматься, умываться, делать утреннюю зарядку и всё остальное, что положено по распорядку дня.

Два слова про дебаркадер – нет, он не в реке плескается и даже не в озере, а крепко и печально врос в землю, слегка накренившись набок, несильно, градуса на 3-4, это примерно столько же, сколько у всемирно известной Пизанской башни. Видимо когда-то здесь был рукав Волги, но потом что-то случилось, и вода ушла. А те, кому положено было следить за ситуацией, в это время другими делами занимались, так что ситуацию не отследили. И эта трёхэтажная громада оказалась на суше... можно наверно было разобрать её на части и собрать в новом месте, но видимо затраты на это превзошли стоимость нового дебаркадера, поэтому бросили всё, как есть. Зимой эта дура пустовала, конечно, а в летние месяцы заселяли сюда пионеров из ЛТО – первый этаж заперт был почему-то, на втором мальчики жили, на третьем девочки и начальство.

И ещё один вопрос про дебаркадер меня занимал и тогда, и через 40 лет – зачем строить такие махины, предназначенные, грубо говоря, для причаливания речных судов? Причалили, сошли на берег те, кому надо, зашли на борт те, кто собирался, на этом всё... а три этажа зачем? А сотня комнат на трёх этажах? А променадные площадки по обоим концам на каждом этаже? Гостиницу класса три звезды что ли тут планировали обустроить? Сплошные непонятки, граждане.

Но хватит про дебаркадеры, отправляемся в умывальню. Так, умывальники здесь классического типа – жестяной бачок с пимпочкой, перекрывающей воду, давно таких не видел. Они у нас справа по ходу движения к столовке, я подошёл к крайнему, начал производить утренние процедуры и тут же получил ощутимый удар по заднице. Обернулся – это меня так приветствовал местный предводитель хулиганов и бузотёров Семё Босой... ну то есть Семён Босов конечно.

– Ты чё, Мальчик? – издевательски спросил меня он, – поперёд авторитетов к умывальникам лезешь?

Я промычал что-то невнятное и отошёл к дальнему ряду, потому что пока не сориентировался в обстановке и решил не предпринимать резких движений.

– Вот и тусуйся там возле параша, – сопроводил меня напутствием Босой, довольно заржав при этом.

Ладно, перетерпим пока... есть такое мнение, что каждому овощу своё время, одно дело укроп и совсем другое нежинский огурчик... вот конкретно сегодня у нас в программе овощ капуста, и нам предстоит её полоть, капусту эту. От рассвета и до забора. Так что закуси свои удила, Витя Малеев... Малов то есть конечно, и слушай свою любимую песню «Валенки». Умылся, почистил зубы (зубным порошком, ага – кто не помнит, тому напомню, это такой заменитель зубной пасты в СССР, конкретно у меня была коробочка этого вещества под названием «Детский», стоимостью целых 4 копейки), вытерся махровым полотенцем с вышитым на нём медвежонком, нет, не олимпийским, его пока Чижиков не нарисовал. А далее путь мой лежал на спортплощадку, где каждое утро при любой погоде у нас проходит утренняя гимнастика, строго обязательная для всех обитателей ЛТО.

Проводил её наш физрук по фамилии Фирсов, да, как у знаменитого хоккеиста из ЦСКА. Но не похож он был на знаменитого хоккеиста ни капли, а был он маленьким, лысым и сварливым, как пожилая одинокая бабка из коммунальной квартиры на скамейке у подъезда.

– Подравнялись! – громко скомандовал он. – Ровненько встали... кого не хватает?

С левого фланга крикнули фамилии отсутствующих, и тогда Фирсов продолжил:

– Ладно, начинаем без них, Старов – запомнил фамилии, потом мне скажешь, – память ещё у него была не очень, поэтому он передоверял фискальные функции вот этому вот дове-

ренному лицу, Кольке Старову, ничем не примечательному прыщавому паренюку с единственной особенностью, запоминал он всё очень хорошо.

– Ноги на ширину плеч, – продолжил Фирсов, – руки вверх, вдохнули, руки в стороны.

Ну и так далее, обычная рутина... кстати, японцы переняли у нас эту обязательную гимнастику в полном объёме, у них там на любом заводе, хоть Тойота, хоть Сони, хоть Мицубиси, производственная гимнастика строго обязательна, дважды за смену. Да и по радио у них там каждое утро это дело передают. Про Китай, так и быть, не буду, там немного другое, но очень похожее. Так что кто хотел похмыкать и поехидничать над этим артефактом времён развитого социализма, то лучше не надо – похмыкайте над куар-кодами или обязательными тим-тренингами в большинстве современных контор.

Выполняю команды физрука, мне не трудно, слева от меня дружбан Гарин, а справа девочка Леночка из нашего класса, моя неразделённая любовь и симпатия, да. В ЛТО вообще сборная солянка из седьмых-девярых классов, многие отказались ехать полоть морковку в пользу работы на пришкольном участке. Я тоже поначалу хотел туда определиться, но всё решил выбор Лены – узнал, что она записалась в ЛТО, так и я за ней хвостом пошёл. Она меня, грубо говоря, не замечает, ну ещё бы – задрот задротом, чего с такого лузера взять, кроме анализов, да и те-то довольно сомнительные. Но я не падаю духом и считаю, что вода камень точит, а вдруг... но со вдругом пока что большие проблемы.

Наконец-то зарядка закончена, у нас есть полчаса примерно до завтрака, все уныло разбредаются в разные стороны, а я вместе с Гариным иду в свою палату номер шесть. На кормовой площадке (а может и носовой, кто там разберёт, где у этого дебаркадера нос, где корма) сидит, развалившись на перилах, Женька Бобиков, ещё один неформальный заправила всего нашего трудового и отдыхающего хозяйства. У него на меня имеется зуб со вчерашнего дня, отказался я его борозду пропалывать, так что сейчас он будет меня гнобить.

– Ты, х..й, – обрадовался он, – а ну лезь в корзинку!

Это у него любимый такой стиль обращения с теми, кто ниже его по социальной лестнице.

– В какую корзинку, Боб, ты совсем уже что ли, у нас и корзин-то никаких нету? – пробую отбиться я, но не тут-то было.

– Ты ещё и слепой что ли? – весело спрашивает Бобиков, – не видишь ничего совсем?

Тут меня слегка переключивает, и я отвечаю уже то, что думаю:

– Чой-то не вижу, всё я вижу – х..я вижу, вот он на перилах сидит, а корзинки не, в упор не наблюдаю.

– Ты чё щас сказал, чмо? – отвечает Боб с некоторой заминкой, коя понадобилась для переваривания новой входной информации, – ты кого щас х..ем назвал?

– Боб, мне щас некогда, – дипломатично ухажу от конфликта я, – давай вечером встретимся на этом вот месте, и я те всё поясню. И про х..й, и про корзинку, и про кто слепой, а кто зрячий.

– Зря ты так, – высказал мне Коля Гарин, когда мы отошли от Бобикова, – он пацан в авторитете, да и сильнее тебя вдвое.

– Поживём-увидим, – философски заметил я ему в ответ, – вечером и увидим. В секунданты мои пойдёшь?

– А это как?

– Ну, на дуэли полагается, чтобы кто-то проследил за выполнением правил, вот секунданты этим и занимаются.

– Пойду, конечно, – быстро ответил Коля, – только ты не забудь рассказать мне о правилах, а то я не в курсах.

– За этим не заржавеет, – ответил я, – а сейчас нам пора в столовку, вон народ уже потянулся.

Про завтрак рассказывать нечего, кто был один раз в пионерском лагере, тот сам всё вспомнит и вздрогнет. А сразу следом за принятием пищи мы едем на совхозное поле выполнять ежедневную норму. Сегодня в виде разнообразия нам выпало полоть не морковку, а капусту огородную, двулетнее сельскохозяйственное растение семейства капустных-крестоцветных, да. Что я там помню про капусту из будущего? Ах да, деньги так будут называть через пятнадцать лет примерно – «отслюни капусты, брателло». И ещё стишок детский вспоминается, как уж там... «самолет-самолет, унеси меня в полет, а в самолете пусто, выросла капуста». Насчёт самолёта не уверен, летал много, но капусты что-то ни в одной авиакомпании не предлагали, а вот доллары США, те да, цветом несколько напоминают этот овощ. Да и стоевровая купюра тоже отдалённо на капусту смахивает.

Привезли нас на совершенно новое поле, аж полчаса до него добирались, там стояли системы орошения оригинального вида – трубы были проложены внутри больших железных колёс диаметром где-то под четыре метра. И раз в час всё это орошение включалось. Лучше в этот момент подальше от колёс было находиться, потому что напор воды был нешуточный.

Итак, капуста – поле бескрайнее, где-то вдаль зеленеется очередная волжская старица, вот до неё и надо доползти, жара под 30 градусов, даже в восемь утра, расстановка по бороздам большого значения не имеет, но споры тут возникли нешуточные. Я в них участия не принимал, куда поставят, так и ладно, но остальные члены нашего коллектива, грубо говоря, на говно изошли, выбирая себе участок. Наконец и это закончилось, начали полоть...

Вы никогда не пололи капусту, граждане? А морковку? А картошку? Хотя вот эту последнюю, кажется, не полют, а окучивают, но суть остаётся неизменной – сгибаешься в три погребели, рвёшь сорняки и укладываешь их в борозду справа или слева, в зависимости от личных предпочтений. И так до часу дня – пионерам (а у нас тут пионеров примерно половина), как лицам несовершеннолетним, полагается сокращённый рабочий день, четыре часа... ну иногда они растягиваются до пяти-пяти с половиной, к этому тут без фанатизма подходят.

Вот и я встал в борозду, определённую старшим по отряду, сегодня это в виде исключения была директорша, она же начальник лагеря Фаина Георгиевна, да, как у актрисы Раневской имя-отчество. Не самый плохой, если честно, начальник, но на актрису она не была похожа ни внешне (гораздо ниже и немного красивее), ни внутренне («пионэры, идите в жопу» она даже теоретически сказать не могла). Вот эта Фаина, значит, Георгиевна сама взяла себе борозду и начала полоть, дабы показать пример остальным.

А рядом с ней маячила всегдашняя её тень – пионервожатая Валечка, дама в последнем приступе молодости и с солидным лишним весом. За работу нам даже деньги обещали заплатить, примерно по два-два с половиной за день, ну это если норму выполнять будем. Если умножить это на 14 дней, срок нашего пребывания в ЛТО, получаются не такие уж и плохие деньги. За тридцатник в 75 году можно прикупить, например, дорожный велосипед производства Пензенского велосипедного. На спортивную модель типа «Спорт», не говоря уже про «Старт-шоссе», не хватит, но совсем немного.

Ещё на эти деньги можно купить пять кило очень хороших конфет типа «Белочка» или «А ну-ка отними» или две клюшки незамысловатой модели «Темп-ЭДОК» или зимнюю куртку не слишком сложного формата. Или 13 дисков-гигантов Апрелевского завода грампластинок, самого большого и самого лучшего завода грампластинок в мире... что уж он там выпускал в 1975 году, этот гигант мирового пластинкостроения? В топе у него был Лев Валерьяныч с незабвенным хитом «День Победы, как он был от нас далёк», а ещё Песняры, наверно, с ансамблем «Самоцветы», ну и София Ротару, конечно, как уж там у неё поётся-то... верни мне музыку, без музыки тоска... и не говори, Софочка – у меня сейчас тоска зелёная хоть без музыки, хоть с музыкой. Пугачёва ещё кажется в элиту эстрады не пробилась, «Арлекино» вот только-только появилось, а до «Женщины, коя поёт» года три остаётся.

Слева от меня оказалась та самая девочка Леночка, моя неразделённая любовь с шестого класса, а вот справа сопалатник Игорёк Ахундов, готовый докапываться до меня 24 часа 7 дней в неделю без обедов и без выходных... и не надоедает ведь парню. Вот и сейчас он решил начать новый рабочий день с новых наездов. А рядом с ним аж подпрыгивал от возбуждения его прихлебатель Васька Нифонтов, ничем не примечательный худой как щепка пацан с неподвижной азиатской физиономией – странно выглядело такое лицо при вполне себе славянских имени и фамилии.

– Эй, Мальчик, – громко сообщил Игорь мне, глядя при этом почему-то на Леночку, – отгадай загадку – ветра нет, кусты трясутся, что там делают?

И громко и заливисто заржал при этом, примерно как молодой жеребец при виде кобылы.

– Ну чё молчишь? – продолжил он, – подсказать может?

Я решил про себя, что можно немного бы и отпустить вожжи-то, и ответил примерно так:

– Даже не знаю, Игорёк, разрываюсь между двумя вариантами...

– Это какими? – недовольно отвечал он, спинным мозгом чувствуя некий подвох.

– Ну слушай, если так сильно хочется, первый такой – в кустах сидит Ахундов и дрожит вприсядку, а второй – там все тот же Ахундов, уже отдрочивший своё, которого пи..дят ногами за тупые шутки.

– Ах ты, блять, – только и смог он произнести, когда смысл сказанного достиг его серого вещества, – ты залупаться на меня? Смотри, а то до ночи не доживёшь!

– Ночь далеко, Игорёк, а капуста вот она – приступай к прополке, – ответил я и немного подумав, добавил ещё, – блять нах..й.

Обернулся в другую сторону и наткнулся на удивлённый взгляд Леночки... ну ничего, привыкай, родная, с сегодняшнего дня всё пойдёт немного по новому сценарию. Ну, я так рассчитываю, конечно – а так-то может и не пойдёт, может и по старому, может и не по сценарию, а, допустим, по либретто... как говорится, человек предполагает, а располагает всем сейчас только Генеральный секретарь ЦК КПСС. Да и то это под вопросом, всем ли...

– Ну ладно, вечером мы с тобой ещё поговорим, задрот, – угрожающим тоном высказал мне Игорь, а Васёк из-за его спины добавил: – да, Мальчик, ты теперь ходи и бойся, как бы чего с тобой не приключилось.

Ничего я им на это отвечать не стал, а молча принялся за прополку своей борозды. Когда дошёл до конца поля, ограниченного старицей Волги, заросшей ивняком и смородиновыми почему-то кустами, оказалось, что Лена тоже закончила свою делянку почти одновременно.

– Что-то ты сегодня очень смелый, – задумчиво сказала она, глядя мне в глаза, – не боишься вечером нарваться?

Лена высокая и худая, фигура у неё в младших классах была так себе, но пару лет назад наступила пора полового созревания, и всё у неё встало на свои места, как картинка в собранном паззле. И грудь стремительно приблизилась к третьему номеру. Очень гармоничное произведение искусства получилось. Веснушки правда немного выбивались из общей картины, но они со временем бледнели и бледнели, сейчас вот их почти и не видно было. И сексапильность у неё на очень высоком уровне имела место... ведь бывает как, вроде всем пригожа девка, с милым личиком и хорошо сложена, а не цепляет ни разу... а бывает и наоборот, и ещё как бывает.

– Понимаешь, Лена, – ответил я, садясь на высокую кочку, – в материаловедении есть такое понятие «предел усталости», он же «предел выносливости».

– И что дальше?

– А то, что предел этот определяется наибольшим максимальным напряжением цикла, при котором не происходит разрушение испытываемого образца. Так вот сегодня эти ребятишки похоже превысили это напряжение – образец в виде меня частично разрушился и перетёк в новое агрегатное состояние.

– Как-то мудрёно ты выражаешься, нельзя попроще?

– Можно и попроще, – покладисто согласился я, – перегрузили они верблюда, так что верблюд упал и сдох, а на его месте взял и реинкарнировался марал, тоже пустынный обитатель, но вместо горбов у него растут большие и опасные рога. Так доступнее?

– Ага, доступнее, – вздохнула она, но тут же добавила, – только отмудохают они тебя вечером, Витёк, как пить дать отмудохают, невзирая на большие рога.

– Это мы ещё посмотрим, кто там кого, – недовольно ответил я, – поболеть-то за меня придёшь?

– Обязательно, всё какое-то развлечение будет, – улыбнулась она, – аптечку захвачу, чтобы первую помощь оказать, а то кровью истечёшь, не дай бог.

– Ну это мы ещё посмотрим, – повторил я свою мантру, – кто там кровью умоется...

А нас тем временем ждёт-не дожётся новая борозда, протянувшаяся от старицы и до того конца поля, где нас будет с нетерпением ожидать полуторка с молоком и булочками, нам полагается промежуточный завтрак примерно в 10-10.30 утра. Фаина Георгиевна тоже закончила свой участок и быстренько нарезала нам новые делянки... а Игорёк-то вкупе со своим шакалом Табаки-Нифонтовым конкретно так отстали, дай боже две трети одолели... да и хрен с ними.

—

Бесконечно растянувшаяся смена, наконец, закончилась, и сегодня так сложились звёзды, что нас повезли купаться на Волгу, под неукоснительным контролем Фаины Георгиевны и примкнувшего к ней Фирсова конечно. Обычно прямо в лагерь везли, где мы смывали пот под хилыми струйками душа из бочки, на всех обычно воды не хватало, а тут можно было вдоволь поплескаться и понырять. По прямой до берега совсем недалеко было, но кругом же старицы и болотца, мать их за ногу, поэтому вырулили мы к месту назначения крутым противолодочным зигзагом, затратив полчаса, не меньше.

– Так, – взяла быка за рога Фаина, – купаемся строго в отведённом месте, от меня полсотни метров влево и вправо, вглубь тридцать метров. Если кто утонет, больше купаний не будет, – сурово добавила она в конце своей пламенной речи.

Все дружно покивали головами, сбросили верхние одежды и кинулись в прохладные воды великой русской реки. У мальчиков через одного вместо плавок были обычные семейные трусы, напололам чёрные и синие, ну а девочки видимо знали об изменениях в программе заранее, поэтому у всех у них имели место скромные советские купальники.

– Эх и хорошо окунуться в речку после напряжённого рабочего дня, – выдал длинную фразу мой кореш Коля Гарин, вынырнув из сине-зеленоватых глубин Волги.

– И не говори, – ответил ему я, выгребая против довольно сильного течения, – эх и зашибись.

Вылезли на берег, Фаина пересчитала нас по головам, сверила с ведомостью, убедилась, что дебет с кредитом сходится, и объявила, что ещё один заплыв у нас есть, а потом едем на обед. Мы лежали на горячем волжском песке рядом с Коляном и наслаждались прекрасной летней погодой, и всё было бы хорошо, кабы рядом не возник некий инцидент с разговором на повышенных тонах. Я повернул голову направо – там, оказывается Сёма Босов или попросту Босой приставал к Леночке Проскуриной, моей неразделённой любви и симпатии.

– Ну чо ты кобенишься, – с угрожающими интонациями говорил он, – девкам же нравятся, когда их лапают.

И при этом он хватал её за немаленькую уже грудь и шлепал по упругой весьма совершенного вида попке. Этого я уже переварить не мог, поэтому встал, быстренько подошёл к ним, благо это было рядом, и сообщил Босому следующее:

– Ну ты, босота, быстро взял и убрал свои грабли от девочки, – достаточно угрожающим тоном сообщил я Босому свою мысль.

Тот тут же оставил Лену в покое, вскочил на ноги, смерил меня взглядом и ответил:

– Ты чо, Мальчик, рамсы попутал? Ты на кого пасть разеваешь, чмо подзаборное? Да я ты щаз урою-ушатаю так, что мокрого места не останется!

– Давай, – предложил я, отступив на полметра, – урывай и ушатывай, посмотрим, какой ты смелый.

Сёма смерил меня с головы до ног, что-то прикинул и подсчитал в своём убогом головном мозге и сообщил результаты подсчётов:

– Живи пока до вечера, а там увидим, – сказал он уже совершенно спокойным голосом, а потом добавил. – Я бы тебе не позавидовал, Мальчик – вечером тебе будет очень нехорошо.

И на этом он очистил горизонт, а Лена сказала мне взволнованным голосом:

– Что-то ты сегодня конкретно нарываешься, Витя, это ведь уже второй по счёту, который тебе кишки выпустить хочет сегодня вечером.

– Это ты ещё про Бобикова не знаешь, – сказал из-за спины незаметно подошедший Колян. – У него тоже есть претензии к Витьку.

– Выходит, как в романе Дюма «Три мушкетёра», – сообщила Лена, – там Д'Артаньян в первый день своего пребывания в Париже тоже три дуэли заработал.

– Получается, что так, – согласился я, – только на Атоса-Портоса-Арамиса эти босяки слабо похожи.

– Ой, а ты вылитый прямо Д'Артаньян получаешься, – подколола меня она.

– Да уж всяко получше буду, чем это быдло, – ответил ей я, – кстати у Д'Артаньяна всё неплохо в итоге сложилось.

– Посмотрим вечером, – ответила Лена.

– Да, – добавил я зачем-то, – а ты в случае чего в Констанции Буонасье согласна пойти?

– Там видно будет, – лукаво улыбнулась она, – а пока я медсестрой побуду. И Ирку с Танькой позову кстати – вместе веселее будет.

Упомянутые Ирка с Танькой были тоже моими одноклассницами, одна чёрненькая, вторая блондинка. И обе ничего так по экстерьеру, но почему-то меня они никак не зацепляли... в отличие от Леночки. Ну да ладно, в любом месте веселее вместе, подумал я, пусть зовёт.

—

По возвращении в лагерь у нас был, понятное дело, обед всё с тем же совершенно обрыдлым набором блюд – щи из квашеной (!) капусты при том, что свежей кругом невпроворот было, макароны по-флотски (наверно работники кухни считали, что раз мы на дебаркадере живём, то к флоту отношение имеем самое прямое и есть обязаны профильные блюда) и удивительно невкусный чай. Мы с Колькой Гариным обычно сидели в самом дальнем углу столовки, возле окошка выдачи, и за наш стол больше никто не садился. Но сегодня всё вдруг как бы по волшебству изменилось – к нам подсели Ваня с Серёжей, это обитатели нашей палаты, которые ни то, ни сё всегда были.

– Ты, говорят, Витёк, сегодня с Ахундовым биться будешь? – спросил меня Ваня, прикончив свою порцию макарон.

– Правильно говорят, – отвечал я, в свою очередь закинув в рот последнюю макаронину, – и не только с ним.

– Значит мы не всё знаем, – продолжил Серёжа, – а ещё с кем?

– С Бобом и с Босым.

– Ну ни хрена ж себе, – присвистнул Ваня, – как это ты сумел?

– Само собой как-то сложилось, ничего специально не делал.

– Не страшно? – это Серёжа спросил, – они ребята резкие и в авторитете, изуродуют тебя, как бог черепаху.

– Если все вместе накинута, то наверно, – осторожно предположил я, – а по очереди... там разные варианты возможны.

– Где биться будете?

– Вот после обеда и займусь оборудованием площадки, на задах дебаркадера вроде есть пара мест подходящих... приходите посмотреть.

– Обязательно придём, – ответил за обоих Ваня, – в кои-то веки у нас в лагере что-то интересное случается, такое пропускать нельзя.

– Вот и ладушки...

После обеда все разбрелись кто в лес, кто по дрова, а я развил бурную деятельность по обустройству места будущих боёв без правил... я так понимаю, что особых правил никто там устанавливать не будет, так что будем биться, как бог на душу положит. Если вы думаете, что у меня на душе было спокойно, то вы сильно ошибаетесь – кошки у меня на душе скребли, очень чёрные и очень злые, причём в четыре лапы сразу. Все трое этих парней были не простыми орешками, выше и тяжелее меня. А Бобиков-Боб даже в секцию самбо ходил когда-то... давно правда, но был такой эпизод у него в биографии. Ну ничего, бог, как говорится, не фраер, косяки исправит.

Зашёл сначала к завхозу, есть у нас и такая единица в штатном расписании, звать его было Захар Кузьмич, лет ему было далеко за полтинник, голова у него была лысая и не очень умная, поэтому все вопросы, обращённые к нему, приходилось дублировать минимум два раза. На второй раз он среагировал.

– Какую ещё сетку? – задал он не совсем логичный вопрос, пришлось уточнить в третий раз.

– Волейбольную, какую – и желательно две штуки.

– Аааа, волейбольную, – наконец-то въехал он, – а зачем тебе?

– Турнир хотим организовать, спортивный, – пояснил я.

– Аааа, турнир, – с трудом въехал Кузьмич, – ну если турнир, тогда ладно. Но чтоб завтра утром всё взад сдал, понятно?

– Конечно понятно, Захар Кузьмич, куда уж понятней. Где сетки-то?

Кузьмич далее без лишних вопросов проводил меня в кладовку позади столовки, открыл ржавый висячий замок на железной двери и сказал мне:

– Найдёшь если, всё твоё – вперёд.

Бог мой, чего там только не было в этой кладовке, ни пером описать невозможно было, ни пишущей машинкой. И всё в навал... но я сумел отыскать там целых две нужные мне сетки всего за какие-то четверть часа. Зачем они понадобились тебе, Витёк, зададите вы недоумённый вопрос, а я вам отвечу – подождите немного и всё узнаете.

– Вот, – сказал я Кузьмичу, – ровно две сетки, вот одна, вот вторая. Верну в целости и сохранности завтра... может даже и сегодня после девяти вечера.

– Сегодня не надо, – твёрдо обломил меня он, – я спать ложусь в полдевятого.

Ну не надо, так не надо, пожал плечами я, завтра значит завтра – и быстрым шагом обогнул дебаркадер. Там между двумя очередными волжскими старицами с непременно смородиновыми кустами (на которых почему-то ее росли ягоды) имелась относительно ровная песчаная площадочка, как нельзя лучше подходящая для вечернего шоу. Там меня ждал Колька Гарин.

– Достал? – спросил он меня сразу в лоб.

– Ясен пень достал, – продемонстрировал я ему две свёрнутые рулончиками сеточки, – в полном объёме. А ты сделал, что я просил?

– Сам смотри, – и он широким жестом продемонстрировал он сделанное. – Я старался.

В песочек были вбиты четыре колышка квадратом со стороной в пять метров примерно.

– Отлично, – похвалил я Колю, – где колья-то взял?

– Места знаю, – туманно отвечал мне он.

– А забивал чем?

- Кувалда возле столовки валялась, ей и забивал.
- Супер, – подытожил я, – давай сетку натягивать.
- А что это такое будет-то, расскажи, – попросил Колька.

– Ринг, неужели непонятно, – начал растолковывать я, – у нас же поединок будет... то есть даже три поединка... ну это если я до третьего дотяну. А поединки обычно на ринге происходят, квадрат со стороной от 4 до 6 метров по разным стандартам (я взял средние пять), огороженный столбиками и натянутыми между ними канатами. Столбики ты обеспечил, канатов, извини, в ЛТО мы никак не достанем, но вместо них прекрасно пойдут волейбольные сетки, вот они. Давай натягивать.

– Понятно, – въехал Колян, – а откуда ты знаешь про размеры рингов?

– Книжки иногда умные читаю. Не, кроме рингов бывают ещё и октагоны, там бьются разные восточные единоборцы, но это совсем уже лютая экзотика, так что давай ограничимся классикой.

Мы в четыре руки быстренько закрепили сначала одну, потом вторую сетку на кольшках. Крепили простым наматыванием и ещё верёвочками закрепили снизу и сверху, получилось довольно прочно.

– А зачем так высоко? – продолжил тупить Коля, зацепившись за нижнюю кромку.

– А как туда запрыгивать прикажешь, если её совсем низко опустить? А тут подлезть довольно несложно будет. Давай проверим крепость.

Проверили налеганием на сетку всем корпусом – держалось прочно.

– Ну вот, всё готово к бою, – бодро сказал я, – к боям то есть. Надо потренироваться что ли ещё, обычно боксёры перед матчем разминаются.

– Говори, что надо делать, помогу, – согласился Коля.

Я наскоро сделал несколько разминочных упражнений, а потом поставил Коляна в стойку, а руки ему дал небольшую картонку, валявшуюся тут неподалёку.

– Вот эта картонка теперь мой соперник, двигай её в разные стороны, но чтобы плоской стороной всегда ко мне была, – сказал ему я и начал отрабатывать давно и прочно забытую технику ударов руками и ногами.

Получалось, прямо скажем, не очень, но Коле всё равно понравилось.

– Ты где так научился махать-то? – с большим интересом спросил он, – что-то раньше я у тебя таких навыков не замечал?

– Да, – отмахнулся я, – в одной полуподпольной секции, там тренером казах был.

– А меня с собой возмёшь, когда в следующий раз туда пойдёшь?

– Да не вопрос, конечно возьму. А сейчас бросковую технику вспомним – становись в полуприсед, руки вперёд полусогнутыми, я буду нападать, а ты уворачивайся.

Это часть разминки прошла совсем уже отвратительно, один только раз у меня получилось зацепить Коляна, да и то криво и косо. Но упасть он, конечно, упал.

– Брек, – скомандовал я, – на первый раз достаточно. А относительно этой картонки у меня одна идея появилась. Только краску надо достать... или мел на худой конец.

– Я знаю, где куча мела лежит, – сразу включился Коля, – тут недалеко.

– Ну пошли, покажешь...

—

Вечер как-то незаметно прикатил, у нас здесь, конечно, не Шарм-аль-Шейх, где темнеет резко и сразу, минут за 15-20, но и не Мурманск, где сейчас круглосуточно солнце в небе висит. За это время я успел переговорить со всеми моими сегодняшними спарринг, так сказать, соперниками и выработать некие правила и график предстоящего соревнования. Поскольку первой у меня была стычка с Бобом-Бобиковым, он и был определён в голову очереди. Затем шёл Игорёк и на закусь оставался Босов... ну если конечно дотяну до этого момента. Условились не бить ниже пояса, останавливать бой при первой крови или если кто-то крикнет «сда-

юсь», длина поединка три минуты, если по истечении этого времени никто не победил, даются дополнительные три минуты, а если и после них ничего не ясно, фиксируется ничья.

На картонке я нарисовал крупную цифру один на одной стороне, и соответственно двойку на обратной и привлёк к процедуре девочку Леночку.

– Будешь выходить перед началом каждого раунда с высоко поднятой картонкой, – объяснил я ей задачу, – и громко объявлять номер раунда... да, а ещё раньше, когда мы на ринг выползем, можно и каждого соперника объявить – справишься?

– Ну-ка поподробнее объясни, – потребовала она, – а то не очень понятно.

– Да господи ты боже мой, – отвечал я, – берёшь в руку воображаемый микрофон и громким отчётливым голосом говоришь «Ladies and gentlemen. Viktor Malov is in the red corner of the ring, Igor Akhundov is in the blue corner of the ring. Meet them».

– А если по-русски?

– Девчонки и ребята! В красном углу ринга Виктор Малов, в синем углу Игорь Ахундов. Встречайте!». Причём всё это можно разукрасить интонациями...

– Это как?

– Гласные немного протянуть – не встречайте, а встрееечааайте! И чтоб ударение к концу слова повышалось. Понятно?

– Боюсь, не справлюсь я с этим заданием, – не на шутку разволновалась Лена.

– Да брось ты, справишься, всё равно все парни будут на твои ноги смотреть, а слова фоном пойдут...

– Ты думаешь?

– Уверен.

– Хорошо, уговорил... я пойду парадный сарафан тогда надену и ресницы намажу...

– Не помешает, – согласился с этой идеей я.

И она мигом ускакала, только песчаная пыль на её месте осталась клубиться – вот нравятся мне такие понятливые и шустрые. А Колька, маячивший неподалёку, подошёл и подал вдруг ещё одну идею:

– Слушай, раз у вас спортивное соревнование ожидается, то судья же нужен... ну или арбитр, на соревнованиях они всё время перед глазами маячат – следить чтоб за правилами и всё такое...

– Чёрт, забыл я про это дело, – в сердцах высказался я, – может ты судьёй поработаешь?

– Не, я не могу, я же лицо заинтересованное, твой дружан как-никак. Нужен кто-то нейтральный...

– Надо этого тогда привлечь... ну который запоминает всё вместо физрука.

– Старова что ли? Да, наверно пойдёт – я пойду поговорю с ним, а ты пока народ собирай, – сказал мне Колька и отчалил в направлении столовки.

—

Через полчаса народ по большей части собрался – не все, конечно, обитатели нашего дебаркадера собрались возле моего импровизированного ринга, но половина-то точно, слухи о том, как задрота Малова хотят проучить реальные пацаны, сыграли свою роль. Да и делать-то, если честно, в нашем лагере по вечерам нечего, танцы только по выходным, телевизор сломался в первый же день после нашего заезда, до кинотеатра пилить пешком больше часа, к тому же по дороге надо как-то преодолеть глубокий и широкий канал. А тут какое-никакое развлечение. Я одолжил у одного парня красивые синие трусы с майкой, на которых было написано «Трудовые резервы», а кисти забинтовал бинтиком, одолженном в лагерьной аптечке, так что был полностью готов к подвигам.

– Ну чо, Мальчик, – начал угрожающим тоном предстартовые запугивания Бобиков, – ты допрыгался, ща я тя убивать буду.

Психологическое давление походу он на меня таким образом оказывал, надо ж, какой грамотный пацан... надо отвечать.

– Ты, х...й, полезай в корзину, – ответил я ему его же любимыми словами, – если хочешь яйца в целости сохранить.

– Ах ты блять, – он покраснел, сжал кулаки и попёр на меня, как трактор «Кировец» по целине.

– Стоп-стоп-стоп, – притормозил его я, – мы ещё не в ринге, шас перелезем через канаты, тогда можешь бить, а до канатов это не по правилам.

Стоявшие неподалёку Ахундов с Босым молча наблюдали за нашей перепалкой и ни во что не вмешивались, но я мельком заметил некоторую растерянность на их лицах – ну ещё бы, маленький пушистый хомячок вдруг взбунтовался и попёр на матёрых пустынных койотов, это ни в какие рамки не укладывалось. А если он взбесился, этот вопрос явственно проступал у каждого из них, потому что они были несколько умнее отморозка Бобикова. А этот Боб никакими посторонними вопросами не задавался, он просто хотел забить меня до полусмерти, чтоб я больше не выступал.

А тут и Лена подошла, действительно в новом красивом платье (по её мнению – по мне так лучше, чем купальник, на ней ничего не сидело) и с накрашенными ресницами и губами. Я сунул ей в руки картонку и сказал, чтоб действовала по утверждённому сценарию.

– Друзья, – сразу понесла она отсебятину, ну и ладно, – у нас сегодня необычное соревнование – бой без правил наших отрядников. Можно сказать, что это дуэль – Виктора Малова (я поклонился обществу) вызывают по очереди Евгений Бобиков (тут она немного повысила голос к концу его фамилии – Боб нехотя поднял вверх правую руку), Игорь Ахундов и Семён Босов (а эти так и совсем никак не прореагировали). Первыми на ринг вызываются Бобиков и Малов.

Мы с Бобом молча пролезли под сеткой и встали каждый в своём углу.

– Итак, леди энд джентльмен (перешла она наконец к домашней заготовке) в красном углу ринга заслуженный мастер спорта Евгений Бобиков, общество «Спартак», двадцать два боя, двадцать побед нокаутами!

Народ похлопал.

– А в синем углу ринга у нас Виктор Малов, общество «Трудовые резервы», десять боёв, ноль побед. Встречайте!

Аплодисменты были ещё более жидкими, чем Бобу.

– Объявляется первый раунд, – продолжила тем временем Леночка, достала заготовленную картонку, пролезла под сеткой и шикарной походкой, как манекенщица на подиуме, обошла ринг по периметру.

Возле меня она притормозила и шепнула «Удачи, Витёк!», я улыбнулся. А Колян уговорил таки Старова побыть судьёй, он тоже пролез на ринг и попытался объяснить нам правила, но мы с Бобом одновременно махнули на него руками, сами всё знаем.

– Начали, – скомандовал Старов и отпрыгнул подальше на всякий случай.

Я начал пританцовывать, имитируя стиль кубинских боксёров, а Боб, не мудрствуя лукаво, одним прыжком покрыл расстояние между нами и со всей дури размахнулся правой рукой, метя мне в глаз. Не попал, слишком очевидно направление атаки было, и я поднырнул под замах и быстро переместился в противоположный угол. Народ тем временем активно болел, а я немного недоумевал, как это лагерное начальство до сих пор ничего не заподозрило... но краем глаза вдруг увидел физрука Фирсова и завхоза Кузьмича которые стояли на краю толпы и тоже активно болели, причём оба за меня.

А Боб медленно развернулся и как бык снова попёр на меня – глаза у него при этом были красные-красные. Замах слева, снова мимо, тут я уже не стал просто проскальзывать мимо его

туши, а легонько толкнул в левый бок – Боб покачнулся в неустойчивом равновесии и упал на одно колено.

– Ах ты сука! – взревел он как натуральный бычара, – всё, пи..дец тебе!

И он просто начал молотить обеими руками со скоростью вентилятора, один раз при этом он зацепил меня по уху. Мне уже всё это надоело и я подкараулил момент, когда у него живот откроется, ну и засадил со всей дури с правой ему под ложечку. Боб тут же сложился пополам и упал на оба колена.

– Это не мне, а тебе пи..дец, Бобиков, – злорадно сообщил ему я, заламывая руку за спину, уж чего-чего, а этот удерживающий приём я не забыл, – говори, что сдаёшься, сука!

– Ну сдаюсь-сдаюсь! – замолотил он второй рукой по песку.

– Победу за явным преимуществом одержал Виктор Малоооов! – несколько опережая события, прокричала со своего места Леночка.

Аплодисменты собравшихся были явно громче, чем когда меня представляли. Я поднял руки вверх, поклонился на все четыре стороны и поднырнул под сетку.

– Посмотри, что там с ним, – сказал я Лене, – вдруг чего серьёзное.

– Так вот для какого турнира ты сетку-то брал, – констатировал факт завхоз Кузьмич, оказавшийся поблизости.

– Так точно, Захар Кузьмич, для такого. Я между прочим нигде не соврал, сказал, что он спортивный будет, этот турнир.

Меня между тем начали поздравлять и жать руки товарищи по лагерю, но я больше смотрел на Игорьку с Сёмой – как они там, не собираются отказаться? Но нет, видимо это уж совсем запахло было бы, при всём честном народе включать заднюю передачу, поэтому Игорь уже разделся до трусов с майкой и прыгал, разминаясь.

Но второму, равно как и третьему бою сегодня видимо не суждено было состояться – прибежала директорша Фаина Георгиевна и уже издали начала орать, брызгая слюной:

– Это ещё что такое? Кто разрешил? Всем немедленно разойтись!

– Фаина Георгиевна, – попробовал успокоить её я, – это честное спортивное соревнование на первенство лагеря по боксу. Мы только-только начали – чего сразу расходиться-то?

– А если вы тут друга дружку покалечите в этом честном соревновании, кто отвечать будет? – немного сбавила громкость она.

– Да никто никого не покалечил пока, все живы и здоровы, – вступился за меня Колька Гарин.

– Всё равно это не футбол и не волейбол, так что я запрещаю ваши дальнейшие соревнования.

– Ну значит не судьба, – шепнул я стоявшему рядом Игорьку, – отложим маленько выяснение наших отношений.

И я начал сматывать сетки со столбиков – сопрут ведь, если на ночь оставишь.

--

– Завтра в кино ходим? – спросила меня Лена, когда уже всё закончилось, народ разошёлся, волейбольные сетки были сданы в кладовку и шум и гам обсуждений сегодняшнего шоу окончательно утих.

– Это в Урицк что ли? – спросил я. – Туда же час идти, а потом час обратно – не страшно?

– Неа, ни капли не страшно, – гордо заявила она. – С тобой теперь ничего не страшно, как ты этого Бобикова разделал – приятно посмотреть было. Я была неправа, – со вздохом далее призналась она, – когда говорила, что они тебя отмудохают.

– Бывает, – философски заметил я, – а в кино пойдём, конечно, мне и самому интересно, что это за городок такой Урицк, а то всё мимо проезжаем, а внутри ни разу не были. Что за кино-то там идёт?

– Мы, когда по городу проезжали, афишу на ближайшую неделю прочитала – должны показывать «Капкан», «Как украсть миллион» и «Есению» какую-то.

– Стой-стой, Капкан это ж третья часть саги про комиссара Миклована, кажется...

– Точно, только Миклована же во второй серии убили, так что тут без него.

– Про миллион это Одри Хёпберн и Питер О’Тул, как они картину из музея крали, это я помню, а Есения что за хрень?

– Мексиканская мелодрама, – пояснила Лена, – про любовь цыганки и офицера.

– Вот это без меня, а на первые две с удовольствием схожу.

– Что, не нравятся мелодрамы?

– Не сказать, чтоб совсем, но не очень... с трудом доходят до меня такие сюжеты... вот знаешь, почему женщины в футбол не играют, а мужики художественной гимнастикой не занимаются?

– Догадываюсь, но ты объясни, раз начал.

– Потому что есть чисто мужские занятия и развлечения, и есть чисто женские – и они довольно часто никак не пересекаются. Любовные мелодрамы это женское...

– Интересно ты рассуждаешь, – задумчиво сказала Лена, – и вообще ты серьёзно изменился за последние два дня. Как будто тебя подменил кто...

– Да никто меня не подменял, – поспешил откреститься от этого варианта я, – просто накопилось достаточное количество изменений, которое вот так резко перешло в новое качество. Поцелуешь меня на дорожку? – сменил тему я.

– Больно ты быстрый, – мгновенно ответила Лена, – завтра может быть, но не сейчас.

И она убежала на свой третий этаж, оставив меня на сходнях. Ночь прошла более-менее спокойно, но утречком я проснулся от дикой боли в пальцах правой ноги. Жгло там немилосердно, поэтому я энергично задвигал ступнёй по простыне.

– Во, на велосипеде поехал, – услышал я радостный голос Ахундова. – Далеко собрался?

Я посмотрел, что там у меня с пальцами – между большим и следующим была вставлена спичка, которая уже обгорела и потухла. Ясно всё, они мне сделали так называемый велосипед, любимую забаву дебилов в пионерских лагерях.

– Игорёк, – сказал я, встав с койки, – мы же вчера договорились, что будет честное выяснение отношений. Чо за детские подставы?

– Ничо мы вчера не договаривались, о чём с таким чмом вообще договариваться можно?

– А если я тебе сейчас руку, например, сломаю? – предложил я свой вариант.

– Ой-ой, герой какой, – заойкал Ахундов, – ну вот моя рука, ломай.

Я немедленно ухватил его руку за большой палец и взял на излом – такой приём я отдалённо помнил в эпоху своего увлечения джиу-джитсу. Игорь тут же упал на колени и заорал, что было мочи... ну отпустил я его конечно, чтобы народ в соседних отсеках не перепугать. Но это не помогло – буквально через десяток секунд в нашу палату ворвался физрук Фирсов, он на нашем этаже ночевал.

– Что тут происходит? – возмущённо спросил он, – что за дикие крики?

– Всё хорошо, Сергей Палыч, – успокоил его я, – Игорь увидел мышку и испугался.

– Это правда, Игорь? – решил он уточнить вопрос.

– Правда, Сергей Палыч, – сдавленным голосом отвечал Ахундов, массируя себе большой палец.

– А с пальцем у тебя что? – заметил его манипуляции физрук.

– Задел за спинку кровати, – без моих подсказок пояснил он.

– Ну-ну, – заметил Палыч, – в следующий раз не ори так, когда новую мышку увидишь.

На этом наши беседы о прекрасном с Игорьком и завершились, но думаю, что не окончательно... а на завтраке новая вводная появилась – ко мне подошла Наташка Овчинникова, большая и активная гром-баба, наш постоянный уже пару лет комсорг школы и заявила мне непререкаемым тоном:

– Так, Малов, ты зачислен во вторую команду лагерного КВНа, репетиции после обеда на в фойе дебаркадера.

– А почему не в первую? – сразу вырвался у меня вопрос.

– Ну я рада, что насчёт зачисления у тебя вопросов нет, – довольно усмехнулась она, – а во вторую, потому что ты на втором этаже живёшь.

Я не стал углубляться в тонкости формирования команд, а вместо этого задал другой вопрос:

– Первый же этаж, где фойе, закрыт на ключ, как мы туда попадём?

– Не волнуйся, этот вопрос я решу. Не забывай – в два часа первая репетиция.

Вот же новая напасть, подумал я... и потом, этот КВН года три уже, как под запретом, нету больше никакого КВНа... а друг мой Колька, молча выслушавший весь этот разговор, высказался наконец:

– А я тоже хочу в КВН – возьми меня с собой.

– Да какие вопросы, Колян, пошли конечно. Боюсь только, что для зачисления ты должен будешь понравиться Наташке.

– Я постараюсь, – серьёзно ответил он.

Поле нам сегодня досталось традиционно-морковное, спина уже не болела, ну почти не болела, соседями мне попались неразговорчивые семиклассники, так что никаких происшествий до обеда не случилось ни одного. Ну кроме разговора с Леной уже перед столовкой.

– Тебя, говорят, в КВН зачислили? – спросила она меня.

– Так точно, товарищ Проскурина. А ты откуда знаешь?

– У нас тут все про всех всё знают, – туманно ответила она, – значит вместе будем выступать, я тоже во втором отряде.

– Вот и классно, значит встречаемся через час на первом этаже... хотя стой – Наташка же мне сказала, что во второй отряд зачислят тех, кто на втором этаже живёт, а ты же с третьего?

– Значит, бывают в этом деле и исключения, – заметила она и отошла к своим подружкам, Ирке с Таней.

А Игорёк про меня тоже не забыл, подкараулил после обеда и напомнил, что вечером у нас будет финальное выяснение отношений.

– И где ж оно состоится? – спросил я.

– Я тебе об этом после ужина скажу – готовься.

Я пожал плечами, мысленно решил готовиться, а сам вместе с Колей подался на первый этаж нашего непотопляемого дебаркадера. Заходить туда, оказывается, надо было с другого конца, не с того, где мы обычно забирались на свой второй этаж. По центру был красиво оформленный вход, и даже вверху полукругом сохранилась устаревшая уже надпись «Волжское речное пароходство». Далее было большое и пыльное фойе, где и собралась команда КВН за номером два. В ней кроме Наташи и Лены были заняты Ваня из нашей комнаты и ещё три более-менее знакомых пацана из девятых классов. И леночкины подружки тоже в углу сидели, чёрненькая Ира и беленькая Таня. Итого восемь душ, не считая меня и Коли.

– Привет всей честной компании, – поздоровался я, – а это Коля, он тоже хочет в КВН.

– Посмотрим, что он умеет, тогда и решим, – сжала губы в куриную гузку Наташа. – Итак, мы начинаем...

– Мы начинаем КВН, – автоматически вырвались у меня слова будущего гимна этой игры.

– Начал если уж, то продолжай, – недовольно зыркнула на меня Наташа.

– Просто я подумал, что раз уж мы взялись играть в КВН, то начинать его можно какой-нибудь весёлой песенкой, примерно такой (и я с чувством зачитал первый куплет известной песни)... дальше я пока не придумал.

– А зачем по два раза повторять слова, чтобы самые тупые поняли что ли? – задала неожиданный вопрос Лена.

– Это такой приём, – пояснил я, – для усиления восприятия. И потом так лучше в стихотворную фразу ложится.

– Ясно, – отрезала Наташа, – песню общим голосованием утверждаем, Малов, чтоб к завтрашней репетиции слова и музыка были готовы.

Ничего себе, подумал невольно я, только-только влился в коллектив, а уже что-то ему должен.

– Идём дальше. Тему нам утвердило руководство – всё про наш ЛТО, короче говоря. Так что просьба держаться темы и не расплываться. В КВНе, как известно, есть такие конкурсы – приветствие, разминка, бой капитанов, домашнее задание... и ещё что-то, забыла.

– Кстати, про капитана, – встряла беленькая Таня, – для начала надо выбрать его, раз уж такой конкурс-то будет.

– Надо, – сурово сказала Наташа, – предлагаю себя, кто-нибудь против?

– Я против, – высунулся Ваня, – лучше Малова, по-моему, никого на эту должность не найти.

Наташа покраснела, но стойко перенесла этот выпад.

– Тогда голосуем, кто за меня, прошу поднять руки.

Подняли только она и один парень из девятого класса.

– Кто за Малова.

Тут было аж пять рук, я уж не голосовал из скромности.

– А ты что же, Витя? – спросила она меня, – ты за кого?

– Воздерживаюсь, имею такое право, – туманно ответил я.

– Хорошо, общим голосованием утверждаем капитаном Малова. Может, ты дальше сам вести собрание будешь, раз уж тебя старшим назначили? – ядовито спросила она меня.

– Без проблем, – бодро ответил я и переместился на её место, она же села в самый дальний угол.

А я начал вспоминать, что там было популярным в этом КВНе после его второго пришествия на экраны... и что можно было показывать сейчас и что нет... и что показалось бы смешным вне тогдашнего контекста.

И вспомнил, память у меня всегда неплохая была.

– Я думаю, что разбивать КВН на запчасти несколько неправильно, – начал я, откашлявшись, – надо выработать свою линию и тащить её с самого старта и до самого финала.

– И как это на практике организовать? – тут же не выдержала Наташа из своего дальнего угла.

– Очень просто, Наташенька, надо найти свою фишку и тащить её по всей программе.

– И что у нас будет за фишка? – не унималась она.

– Ну хотя бы такая... – я лихорадочно перелистал в уме все виденные мною ролики КВНов в Ютубе и предложил то, что на поверхности лежало, – все помнят детский стишок «Пиф-паф ой-ой-ой»?

– Ну помним конечно, – за всех ответила Наташа, никак не желающая отходить от кормила правления.

– На этой основе и можно прыгать хоть пять конкурсов, хоть шесть подряд.

– Это как например? – не унималась Наташка. – И какая связь зайчиков с нашим лагерем?

– Объясняю, – прошёлся я по фойе до конца (длинное-то оно какое) и обратно, – у нас тут главный овощ какой? Правильно, морковка. А где морковка, там и зайчик, на одной этой параллели можно с десяток смешных шуток срубить.

– Допустим... – несколько смешалась активная Наташа. – Приведи хотя бы парочку подходящих шуток на эту тему.

– Вот же проблема какая, – чуть задумался я, вспоминая подходящие анекдоты, – ну хотя бы такая – знаете ли вы, что настоящий мужчина должен быть похож на зайца?

– Нет, не знаем, – вступила в диалог Лена, – почему?

– Всегда немного косой и всегда при капусте.

– Капуста это деньги что ли?

– Да, в кругах продвинутой молодёжи сейчас так принято выражаться.

– Хорошо, давай следующую.

– Катится Колобок, а навстречу ему Заяц.

– Уже смешно, – сказала Лена.

– Колобок-колобок, я тебя сейчас съем, – говорит Заяц. А Колобок ему отвечает, – Нет, косой, это я тебя сейчас съем. Вот так появился на свете первый пирожок с мясом.

– Давай тогда уж и третью.

– Не вопрос... встречаются два охотника, один говорит «представляешь, как я вчера попал – пошёл на охоту и забыл взять с собой ружьё», «бывает, и когда ты об этом вспомнил?», спрашивает второй, «когда вернулся домой и начал показывать жене зайца».

– Пойдёт, наверно, – не слишком уверенно ответила Наташа, – к завтрашнему дню набросашь ещё штук пять-шесть таких же.

– Да, конечно, мне это раз плюнуть, – отвечал я, досадуя в душе, что рулит всем по-прежнему эта комсоргша, а не я. – Теперь про музыку... у нас кстати в лагере есть какой-нибудь музыкальный инструмент и человек, способный сыграть на нём?

– Конечно, – первый раз вступил в разговор один из девятиклассников, – вот Ваня музыкалку закончил по классу баяна.

– Правда, Ваня? – уточнил я у него.

– Правда, – немногословно отозвался он. – А баян в кладовке у завхоза лежит.

Что-то я там никаких баянов не видел, когда сетку искал, невольно подумал я, но останавливаться на этом пункте пока не стал.

– Отлично, значит музыкальное сопровождение нам обеспечено – слова и тексты, касающиеся зайчиковой тематики, я к завтрашнему дню набросаю. Да, а что это я один всё болтаю? – неожиданно пришёл мне в голову такой вопрос, – может у кого-то есть другие идеи? Так вы предлагайте, не молчите.

С предложениями было туго, только Таня смогла выдать из себя, что хорошо бы несколько пародий на руководителей лагеря сделать, народу это обычно нравится.

– Отличное предложение, – подбодрил его я, – вот и займись этим... запиши наиболее характерные для каждого руководителя выражения и действия, попробуем их обыграть. Ну и на этом наше первое собрание можно бы считать закрытым, – полу-спросил я, глядя на Наташку.

Она кивнула головой и поднялась со своего места:

– Значит к завтрашнему дню такие задания – Малов пишет текст и музыку к заглавной песне, ну и ещё к парочке песен про зайцев, Ваня добывает баян и приносит его, Таня придумывает пародии, а все остальные думают и сочиняют шутки. Расходимся.

– Ну что, идём в кино-то? – спросил я у Лены, когда мы спустились по сходням на горячий песочек, – или передумала?

– Конечно идём, – бодро отрапортовала она. – Только со мной Таня ещё хочет пойти, чтобы не так страшно было.

- Тогда я Кольку тоже с собой возьму, не возражаешь?
- Кольку значит Кольку – бери. Выходим сразу после ужина.
- Да, и у меня сегодня ещё одно маленькое дельце имеется, но, надеюсь, я с ним разберусь до ужина.
- Опять драка?
- Ты как в воду смотришь – с Игорьком у нас не все вопросы прояснёнными остались, но на этот раз уж мы собирать толпу не будем, приватно разберёмся.

Игорь меня тут же практически и атаковал... нет, не ударом в нос, а пока предложением о месте и условиях встречи. Я со всем согласился, и вот через четверть часа мы вчетвером (он позвал Босого, а я Кольку для равновесия) маршируем строго по линии, пролегающей между дебаркадером и столовкой. Там, согласно утверждению Игорька, скоро обнаружится ровная площадка, поросшая травой, закрытая со всех сторон кустами смородины и ивняком. Там и будем соревноваться, кто круче и могуче, так сказать...

– Пришли, – сказал Босов, сплёвывая далеко в сторону, – готовьтесь, пацаны.

Я тут же скинул рубашку и треники, остался в одних трусах общества «Трудовые резервы» (созданного между делом в 1943 году Советом народных комиссаров СССР для вовлечения в занятия спортом учащихся начальных, средних и профтеховских заведений) и начал прыгать, имитируя бодрую разминку. Коля стоял рядом, насупившийся и какой-то весь мутный.

- Ты чего такой смурной? – тихо спросил я у него.
- Сдаётся мне, что Игорёк твой какую-то подляну приготовил, – выдал он мне накопившееся у него в душе.
- С чего это взял? – решил уточнить я.
- Я видел, как они с Босым с утра шептались о чём-то, это раз, то, что голыми руками тебя не возьмёшь, они вчера ещё поняли, это два...
- Ну давай сразу и три, не тяни, – подогнал его я.
- А три заключается в том, что у Босого за пазухой какой-то свёрток лежит... закутанный в платочек. Скорее всего ножик там у него...
- Нож это нехорошо, – подумав, отвечал я, – а где они его взяли-то, если на нашей кухне, то нестрашно там все ножи тупые.
- Где взяли, не могу сказать, но точно не на кухне.
- Спасибо, что предупредил, – поблагодарил я другана, – как говорят умные люди, предупредён – значит вооружён.
- А сам попрыгал ещё полминуты и объявил противной стороне, что готов к бою и походу.
- Значит, правила такие, – заявил Босов, – что никаких правил нет. Можно бить во все точки и использовать все подручные предметы, которые сможете найти. Время три минуты.
- Погоди-погоди, – остановил его я, – про подручные предметы давай поподробнее, такого пункта в правилах я что-то не припоминаю.
- А чего подробнее-то? – вызверился на меня Босой, – я всё сказал, ты всё услышал.
- Чего у тебя за пазухой спрятано? – прямо перешёл я к интересующему предмету. – Покажи сначала, а потом уж и начнём.
- Лови, Ахун, – это Босов крикнул Игорю, игнорируя мои слова, и да, это оказалась финка весьма наворочанного вида. – Погнали.

А вот это уже совсем нехорошо, подумал я, отыскивая взглядом что-нибудь подходящее на этой площадке. Увидел сухой ствол от ивняка, валявшийся тут явно с прошлого года... а, пойдёт и это – поднял его, быстренько обломал тонкую верхушку, осталась палка длиной полтора метра примерно. И толщиной сантиметра три с толстого конца.

– Ну погнали, значит погнали, – обратился я к Игорьку, – гони.

А сам взял свой дрын посередине и начал крутить его, перебрасывая из руки в руку. Игорь выставил руку с ножом далеко вперёд, присел и начал осторожно придвигаться ко мне, следя за летающей палкой.

– Ты не боишься, Игорёк, – спросил я у него, пока он ещё был на достаточном удалении, – загреметь по тяжёлой статье?

– Это по какой? – спросил вместо него Босов.

– Если не до смерти меня зарежешь, то это тяжкие телесные, причём умышленные, до восьми лет, а если уж до конца пойдёшь, то это и вовсе будет 103 статья, до 10 лет... а если отягчающие обстоятельства найдут, то ломиться тебе будет уже 102 статья, там и до вышки можно докатиться... ты, конечно, лицо несовершеннолетнее, вышку тебе не выпишут, но пятнарик вполне могут. Нравятся такие перспективы?

– Врёшь ты всё, – заорал Босов, – Ахун, бей его, гада!

И Ахун ринулся на меня, целя ножом в живот. Я сумел как-то извернуться, так что нож вместе с его рукой пролетел мимо, а у Игоря открылся незащищённый затылок, по которому я немедленно и саданул комлем своей палки. Он упал, попытался подняться, но я оказался быстрее и сначала стукнул палкой по его правой руке, так что нож вылетел из неё, потом откинул нож ногой подальше, а сам заломил его руку за спину и начал подтягивать её к самой шее... это очень больно...

– Ну всё-всё, сдаюсь, – заорал он через пять секунд после начала болевого приёма.

Я для порядка подержал его ещё немного, потом отпустил и спросил у Босова:

– Бой закончен?

– Закончен, – угрюмо ответил он, смотря куда-то в сторону, – с ним закончен. А со мной ты ещё встретишься.

– Может прямо щас и встретимся, раз уж мы все тут собрались? – предложил я.

– Нет, я сказал потом, значит потом, – буркнул тот и начал помогать Игорьку встать на ноги.

– Ну и ладушки, – ответил я натягивая обратно майку с трениками, – только давай уже без ножей.

Мы посоветовались друг с другом и решили, что если выходить в кино после ужина, в восьмом часу, назад вернёмся не раньше одиннадцати, поэтому что? Правильно, я провёл разъяснительную работу среди руководства и получил добро на пропуск ужина, получение питания сухим пайком и возврат в лагерь не позднее десяти часов вечера для всех нас четверых. Не скажу, что это просто удалось, но всякая работа красна результатом, а не процессами её выполнения, а результат в этом конкретном случае был строго в нашу пользу.

– И чего там нам в сухпаёк положат? – сразу же поинтересовался Колян.

– Да как обычно, наверно, – со вздохом отвечал ему я, – по бутерброду с котлетой, печенюшки и яблоко.

– Ладно, я согласен, – махнул рукой он, – а у девочек спрашивал?

Спросил и у них, получил ровно такое же согласие. И вот мы все вместе уже уходим от опостылевшего дебаркадера куда глаза глядят, а глядят они у нас в данном случае строго на север на славный город (а если уж быть точным, то посёлок городского типа) Урицк, названный так в честь видного революционного деятеля Моисея Соломоновича Урицкого, зверски застреленного в 18 году эсером Канегиссером.

– Так я узнала, что там за кино идёт сегодня, – сказала Лена, когда мы завернули за ближайшую старицу, – «Как украсть миллион».

– Нормальный выбор, – одобрил я, – старенькое, правда, кинцо, но Одри Хэпберн с Питером О’Тулом скучать не дадут.

– А я вот что-то и не знаю такую актрису, Одри Хэпберн, – призналась Таня.

– Ну она такая маленькая и чёрненькая, – пояснил ей я, – под мальчика всё время стриётся. У нас вроде бы в прокате были «Римские каникулы», где она вместе с Грегори Пеком отжигает.

– Да, вспомнила, – ответила Таня, – а Питер этот кто?

– Это вообще легенда кинематографа, – сказал я, – один Лоуренс Авравийский чего стоит. Высокий, худой, голубые глаза, светлые волосы – икона, короче говоря, стиля.

– Какая икона? – испугалась Лена, – которую в церкви вешают?

– Упаси бог... это одно из значений английского слова icon – культ. К религии имеет, конечно, отношение, но очень отдалённое. Если дословно на русский перевести эту фразу, то это будет примерно «человек, которому поклоняются в вопросах стиля». Что-то у нас разговор куда-то не туда зарулил, – решил поменять тему я, – давайте лучше друг другу страшилки рассказывать.

– Давайте, я люблю страшные истории, – обрадовалась Лена, – ты предложил, тебе и начинать.

Вот так, подумал я, любая инициатива наказуема, но начал первым.

– А вы знаете, что совсем недалеко отсюда есть такая легендарная деревня Шкавырна?

– И чем же она легендарна? – спросила Таня.

– Она давно заброшена, но внутри домов всё выглядит так, будто люди вот-вот только отсюда вышли и скоро вернуться.

– Это например как?

– Ну тарелки расставлены, ложки разложены, вода в ведра налита, и даже печка топится иногда. Но это ещё не всё...

– Заинтриговал, – весело сказала Лена, – говори уже теперь и оставшееся.

– Народ из соседних деревень говорит, что в этой Шкаверне время от времени появляется некая женщина во всём чёрном. И она вот забирает с собой случайных посетителей – туристов, грибников, охотников. С концами. Причём это не слухи, а подтверждённый факт, куча народу пропала в тех местах за последние десять лет, мне один знакомый мент из того района рассказывал недавно.

– Напугал, – серьёзно заявила Таня, – а где хоть примерно эта деревня находится?

– Это через Волгу надо переправиться, а там на восток... или на северо-восток километров десять по-моему. Далековато от нас. Ну я свою историю рассказал, теперь ваша очередь – кто следующий?

– Я слышала про Мордовское озеро, – решительно потянула одеяло на себя Лена. – Это в Вачском районе.

– Карстовое, по-моему, это озеро?

– Точно, там кругом эти карстовые провалы.

– И что же страшного в этом озере?

– Якобы там живёт монстр типа Лохнесского, и он утаскивает на дно случайных купальщиков. Штук десять уже утащил, документально подтверждено это, там много народу пропало совсем.

– Ну это совсем далеко, – сказал я, – это все двести километров по прямой отсюда, так что нестрашно. Ещё есть желающие попугать нас?

– Я желаю, – вдруг взял слово Колька, – моя история будет про этот самый дебаркадер, где мы все живём.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовалась Лена, – давай выкладывай.

– У меня дед с бабкой недалеко отсюда живут, вон там, – и он показал рукой, где они живут, – деревня Чебаниха называется. Так они мне как-то такую историю вывалили... короче говоря, Волга тогда шире была, и все эти старицы залиты водой были. А дебаркадер на воде пла-

вал, как ему и полагается. И в 30-е годы сюда свозили осуждённых на расстрел врагов народа, выгружали на дебаркадере, а потом кого стреляли, кого топили в реке.

– Интересно, но страшного пока мало, – заметила Лена.

– Щас и страшное будет, – пообещал Колян, – если коротко, то одна партия осуждённых состояла из священнослужителей, попов там, дьяконов и тд. И один из этих священнослужителей проклял тех, кто его расстреливал – сказал, что типа не будет им покоя после смерти... и что вечно они будут вот на этом месте обитать.

– И что дальше?

– Известно что – попов постреляли, а в дебаркадере нашем привидения тех чекистов обосновались. Выползают они якобы только раз в год в день того расстрела...

– И когда был расстрел?

– Где-то в середине июля, скоро, значит, нам их ждать надо...

– Ну ты напугал, – серьёзно ответила ему Таня, – теперь нам что, каждую ночь бояться что ли?

– Да это шутка такая была, – решил разрядить обстановку я, – скажи, Коля – я же знаю, что у тебя дед с бабкой вообще в другой области живут, а не здесь.

И подмигнул ему незаметно, поддерживай, мол. Он довольно быстро въехал в ситуацию.

– Конечно, шутка, – с радостной улыбкой сообщил он, – а то я смотрю, вы все такие серьёзные, что дальше некуда, вот и решил разыграть вас. А дебаркадер этот здесь появился только после войны, там же рядом с надписью «Волжское речное пароходство» видны циферки «1957».

Все, включая меня, радостно рассмеялись... если вдуматься, то еженощно ждать в гости потусторонних чекистов – радость небольшая.

– А вот и канал, – сказал я, увидев ровную речную гладь.

– Метров пятьдесят, а то и семьдесят, – заметил Колян, – как преодолевать будем?

– Не волнуйтесь, всё предусмотрено, – заметил я, – тут если налево... да налево пройти метров сто, должна быть паромная переправа. Ну как паромная... лодка обычная, человек десять в неё влезает.

– И почём за переправу берут? – спросила хозяйственная Таня.

– Гривенник с носа, если много народу, то скидку делают. Не волнуйтесь, граждане, деньги у меня есть.

Сто не сто, но через двести метров на берегу действительно нарисовался железный трос, закреплённый за бетонный столбик, а на другом берегу канала лодка с дремлющим в ней лодочником.

– Эй, на пароме, – заорал я, сложив руки рупором, – пассажиры приехали, давай сюда.

Лодочник проснулся, надел рукавицы и начал подтягивать лодку к нашему берегу.

– Интересно, – сказала Лена, глядя на эти его манипуляции, – я на паромах ни разу в жизни не плавала.

– Ага, народу много, он один у переправы, – вырвалось у меня.

– Чего-чего? – не поняла Таня.

– Да песня такая есть, народная, – пояснил я, – про паромы и паромщиков.

– Что-то я не слышала, напой...

– Слушай, конечно, – отступать мне было некуда, проговорил первый куплет известной песни про паромщика.

– Глубоко, – задумалась Лена, – а почему всё это на заре происходит?

Лодка тем временем ткнулась носом в наш берег, и мы дружно залезли в неё.

– А хрен его знает, товарищ майор... – ответил я Лене, – народ так сочинил, а я за весь народ отвечать не могу. Отец, скидку для молодёжи сделаешь? – перевёл я стрелки в другую сторону.

– Сделаю, – быстро согласился тот, – двугривенный со всех, если вечером обратно поедете.

– Обязательно поедем, часа через два примерно – никуда не уйдёшь до этого времени?

– Да куда ж я денусь, – ответил паромщик, поплевал на руки и начал тянуть лодку в обратном направлении.

– А песня хорошая, – продолжила свои размышления Лена, – надо бы её в наш КВН вставить.

Мы высадились на другой берег этого самого канала и запрыгали по песочку по направлению к центру Урицка.

– А почему эту речку каналом зовут? – вдруг спросил Колька. – В каналах вроде вода течь должна куда-то в одну сторону, а здесь она стоячая.

– А чёрт его знает, – задумался я, – это опять-таки народное название, а вообще-то если не ошибаюсь, то это рукав Волги... бывший рукав, когда-то тут вода наверно и текла, а потом что-то там сдвинулось и образовалось озеро такой длинной вот формы. А мы, кстати, уже пришли – вон памятник, а вон оно, дерево... в смысле кинотеатр, – пошутил я словами легендарного фильма.

Кинотеатр назывался незамысловато «Ракета», после исторического старта Гагарина у нас огромное количество заведений переназвали словами космической тематики – по всему Союзу теперь раскинулись многочисленные «Спутники», «Восходы», «Метеоры» и «Орбиты». Здание было необъятных размеров, из стекла и бетона.

– Я так думаю, что проблем с отсутствием мест тут не будет, тут их явно больше тыщи, – сказал я, – ну я за билетами, а вы тут поскучайте немного.

И я оказался прав – кроме меня, желающих купить билеты не было ни одного человека. Сонная кассирша спросила, на какой ряд я желаю, я выбрал самый дальний за 35 копеек (дальше были уже по 45) и она выкинула на прилавочек 4 синеньких билетика в обмен на мои рупь-сорок. У меня в кармане, учитывая расходы на паромщика, оставался ещё рубль с мелочью.

– Вот, – показал я обществу билеты, – пятнадцатый ряд, середина. Через полчаса начало, можно ещё по мороженому прикупить.

– А я денег не взяла, – закручинилась Таня.

– Ерунда, – отрезал я, – я всё это затеял, значит мне и расплачиваться – вот ларёк с мороженым, можешь ни в чём себе не отказывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.